

A photograph of a snowy landscape with birch trees under a clear blue sky. The scene is captured in a vertical orientation. The foreground is covered in snow, with some bare, brownish branches of shrubs or small trees. In the middle ground, several birch trees with their characteristic white bark and dark, intricate branch structures stand against the sky. The background shows more trees and a clear, bright blue sky. The overall mood is serene and wintry.

**Владимир
Колабухин**

**ЗАХОДИ,
АПРЕЛЬ!**

Стихи разных лет

Я в краю березовом
Родился и рос –
Там, где за покосами
Золотится плес,

Там, где земляникою
Светлый лес пропах
И дергач пиликает
В заливных лугах.

До сих пор, где б ни был я,
Помню этот плес,
Дергача пиликанье,
Хоровод берез...

В. Колбужин

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Есть в замечательном зеленом уголке Подмосковья старинный город Коломна. Там я и родился 5 июля 1937 года в семье служащих: отец работал милиционером, а мама – сотрудницей адресного бюро отдела милиции. Мое детство пришлось на суровое и голодное военное время. Отца призвали в армию, начались налеты вражеской авиации; в Коломну, как и во все уголки нашей огромной страны, посыпались похоронки...

Но жизнь продолжалась. А когда пришла Победа, жить становилось всё лучше и интересней. Я поступил в школу, научился читать и так страстно увлекся книжками, что порой зачитывался ими до глубокой ночи. Особенно полюбились сказки Пушкина, стихи Чуковского, приключения героев Жюль Верна... И как-то сама собой возникла мысль – а не заняться ли сочинитель-

ством и мне?

Так я в свои 15 лет приобщился к литературному творчеству. Конечно, мои стихи и рассказы были по-детски наивными, неумело написанными, но остановиться я уже не мог...

До призыва в армию я окончил лишь обязательные в то время семь классов, потом учился в профтехшколе столяров, работал столяром на заводе, успел влюбиться и скороспело жениться, мечтал о публикациях. Однако впервые выступил в печати лишь в 1956 году: городская газета «Коломенская правда» опубликовала мое стихотворение «Письмо, письмо...». Я прислал его из далекого Закарпатья, где проходил службу в одной из воинских частей.

После увольнения в запас вернулся в родной город и, прежде всего, зашел в редакцию газеты с новыми стихами и рассказом. Рассказ взяли, а стихи отклонили, потому что они были слабые. Посоветовали продолжить учебу. Так

я и сделал: обложился учебниками и за полгода окончил экстерном сразу восьмой, девятый и десятый классы. А затем успешно сдал вступительные экзамены в Московский филиал Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ).

Одновременно с учебой работал столяром на заводе, затем учителем труда в средней школе. Занимался в студии Народного театра и в литературном объединении, внештатно сотрудничал в «Коломенской правде» – писал заметки, статьи, фельетоны, короткие рассказы. Всё это печатали. Окрыленный успехом, я наудачу отослал в столицу, в журнал «Театральная жизнь» один из таких рассказов – «Старый актер». К моей несказанной радости, в ноябре 1960 года рассказ напечатали.

Коломенские журналисты, оценив мою тягу к литературному творчеству, стали подыскивать для меня вакантную должность в других редакциях.

Такая должность – заведующего отделом промышленности – нашлась на Ярославщине, в угличской районной газете «Коллективный труд». Недолго посомневавшись (справлюсь ли?), я всё же отважился. К тому же, семейная жизнь не сложилась, мы с женой развелись. И в августе 1961 года я переехал из Подмосковья на Ярославскую землю.

К сожалению, газета вскоре перестала выходить. Тут мне предложили поработать ответственным секретарем многотиражной газеты «Звезда» Угличского часового завода. Согласился.

В 1964 году райком КПСС возобновил выпуск районной газеты, но уже с новым названием – «Авангард»; ответсекком газеты утвердили меня. Опыт такой работы я уже имел, дело пошло.

В Угличе окончил институт, вступил в Союз журналистов СССР, играл в спектаклях Народного театра; в одну из актрис, работницу сборочного цеха

часового завода, я с первого взгляда влюбился. Она ответила взаимностью, мы поженились и живем вместе уже полвека...

В 1969 году вместе с семьей я переехал в Ярославль. Здесь трудился редактором дорожной газеты «Северная магистраль», заместителем ответственного секретаря областной газеты «Губернские вести». Работалось с удовольствием, потому что постоянно приходилось встречаться со многими интересными людьми. А в самих редакциях тех газет довелось, что называется, бок о бок трудиться с замечательными ярославскими поэтами – Павлом Голосовым, Артуром Вороненко, Вячеславом Рымашевским,

ЛЮБУШКА

Пахнет мятой теплый волжский вечер...
У беседки, что на берегу,
с нетерпением ожидаю встречи
с той, чей образ в сердце берегу.

Пусть девчонка эта горделива,
пусть порой насмешлива со мной,
но умна и хороша на диво.
лишь увижу – в сердце жар волной!

Вот придет – и я опять невольно
речь о свадьбе нашей заведу.
пригрожу ей: мол, с меня довольно,
не согласна – навсегда уйду.

Вот уже на небе звезды блещут,
я брожу с поникшей головой...
Чьи-то руки прилегли на плечи.
«Любушка!» – от счастья сам не свой!

ЛИЛИЯ

На озере белые лилии –
рождаются в грозы, под ливнями.
Бела и таинственна каждая
купальщица эта отважная.

Плывут они, тихие, нежные,
как будто бы звездочки снежные...
И ты – как цветущая лилия
среди этой белой флотилии.

* * *

Ах, как ветер бедовый ласкает
твои легкие, светлые волосы!
ах, как нежно опять обнимают
и целуют тебя гладиолусы!

Полон город беспечными птицами,
что поют и к плечам твоим рвутся...
Отчего же никак не решиться мне
к гордой стати твоей прикоснуться?

Прочь, сомнения, страхи и грезы!
Позабуду я робость былую,
принесу тебе свежие розы
и всю-всю, как ни рвись, зацелую!

ОЖЕРЕЛЬЕ

«Россыпь звезд с небес полночных
пожелай – и в ожерелье
соберу я их мгновенно
и тебе отдам в подарок
вместе с сердцем покоренным.

Пожелай, чего захочешь –
как Вакула для Оксаны
(пусть я с чертом и не дружен),
всё немедля раздобуду,
лишь не будь со мной сурова!»

Так сказал он ей при встрече,
смелых глаз не опуская.
Но, качнув бровей разлетом,
русококая девчонка
лишь беспечно рассмеялась
и умчалась, словно ветер,
в стайку песенниц-подружек.

Сам не свой, поплелся парень...
Никого уже не слышит

и друзей не замечает.
Он грустит. А та девчонка
выбирает в небе звезды –
те, что ярче всех сверкают
и украсят ожерелье.

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

«Первый апрель,
первый апрель –
никому не верь,
никому не верь!»

А мне верить хочется,
очень верить хочется,
что когда навстречу ты
открываешь дверь –

не притворно-весело,
не лукаво-песенно,
а счастливо шепчешь мне:
– Заходи, апрель!

«Первый апрель,
первый апрель,
никому не верь,
никому не верь!»

А мне верить хочется,
очень верить хочется:
всё, о чем мечтается,
сбудется теперь!

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Ну, вот и схлынули морозы,
снегов слетело одеяло,
и закудрявились березы,
и на душе отрадней стало.

Но почему ты с грустным взглядом?
Куда спешила на рассвете?
Какой грозой запахло рядом,
что ты прошла, мне не ответив?

1963

* * *

Ох, эти ссоры по-пустому!
Кто прав в них? Кто в них виноват?
И вот иной бежит из дома,
где, словно плетью, бьют слова.

А что случилось, в самом деле?
Иль впрямь он хуже стал теперь?
Иль так друг другу надоели,
что хочется скорей за дверь?

Где пониманье? Где прощенье,
что были в прежние года,
когда желанное общенье
так согревало в холода?

Не может быть, чтоб вы забыли
что друг для друга – лучше всех,
что вы действительно любили,
что счастлив был ваш тихий смех...

ЛЮБОВЬ И РЕВНОСТЬ

Есть во всем закономерность.
Нету речки без излучин.
Говорят, любовь и ревность
от рожденья неразлучны.

Если так, то это – горе!
Ну, зачем такая верность?
Что любовь годами строит,
может вмиг разрушить ревность.

ГДЕ ТЫ?

До чего всё сложно в мире этом...
Вот опять мне вспомнилось былое:
Я увидел платье голубое
и глаза, что грели теплым светом.

Я припомнил: ты пришла в печали,
легких рук не вскинула на плечи.
И погасли в океане Млечном
свечи звезд, счастливые вначале.

А потом, прощаясь на вокзале,
мне платком махнула ты – и скрылась...
Стынут звезды... Где ты? Что случилось?
Нас они судьбою не связали.

* * *

Я растянул меха аккордеона –
и за окном мне отозвались соловьи...
Как хорошо, когда в душе нет стона,
а зарождается мелодия любви!

СИРЕНЬ

Горели уши больно-больно.
И щеки в садинах, и нос.
Но улыбался я, довольный,
что вновь тебе сирень принес.

Цветы в охапку дерзко смяты,
роса сверкает в них огнем...
Не хмурься, сторож бородатый,
и ты был молод и влюблен!

1958

ВЕНОК ШЕСТИНОК

I

От людей своих чувств не тая,
не один обернулся прохожий:
до чего же улыбка твоя
на весеннюю зорьку похожа!
Вот тебе оглянуться бы тоже –
сколько раз среди них я стоял!

II

Сколько раз среди них я стоял –
среди скромных березонек белых.
Зачарованно пел мой баян
о красе их девичьей, несмелой.
И сегодня их нежно люблю,
и сегодня их взгляды ловлю.

III

И сегодня их взгляды ловлю.
Значит, всё же друзьям интересен.
Закажу я для них соловью
весь набор его радостных песен.

Если ж буду в ту пору невесел –
всё плохое с друзьями стерплю.

IV

Всё плохое с друзьями стерплю.
Их не станет – отправлюсь к березам,
что шагают по волжским откосам,
там живительный сок пригублю.
И смягчит мне улыбка надежды
боль утрат и злословье невежды.

V

Боль утрат и злословье невежды
сердце исподволь насмерть грызут.
Только друг, неподкупный и нежный,
и утешит в ненастье, в грозу...
Что ж, любую беду я снесу,
лишь бы ты улыбалась, как прежде.

VI

Лишь бы ты улыбалась, как прежде!
И тогда уж – в любые края
в день ли сумрачный, вечер ли снежный,

на грядущую встречу в надежде,
за тобою последую я,
от людей своих чувств не тая.

VII

От людей своих чувств не тая,
сколько раз среди них я стоял.
И сегодня их взгляды ловлю,
всё плохое с друзьями стерплю:
боль утрат и злословье невежды...
лишь бы ты улыбалась, как прежде.

В РОЩЕ

Привокзальная площадь.
Расслабляющий зной.
В белоствольную рощу
мы спешим в выходной.

Там из лиственной сени
засквозит благодать.
Будут шорохи-тени
по березам плясать.

Будет рядышком где-то
лепетать родничок.
Под ногами – дулетом –
гулко хрустнет сучок.

Будут гроздья рябины
наливаться красой.
Будут руки любимой
пахнуть пряной росой.

* * *

Забылись липы в чутком сне...
И что под Новый год им снится?
Сиреневый, в неоне, снег
упрямо льнет к моим ресницам.

В сиянье радужных огней –
повсюду буйство карнавала...
Вдруг показалась ты в окне!
И ничего вокруг не стало.

Лишь ты одна – и тишина.
Исчезли краски все и звуки.
Ты ждешь меня, моя жена,
и я твои целую руки.

1987

* * *

Я помню всё. Метель мела
по опустевшему перрону
И ты, в снегу, белым-бела,
спешила к моему вагону.

И вот к окошку подошла
и, вскинув снежные ресницы,
меня среди других нашла
и взглядом позвала проститься.

О, что бы мне забыть тогда
про нашу глупую размолвку
и не твердить, что ты горда,
не упрекать бы без умолку!

Но мой состав крутой дугой
поплыл вдоль белого вокзала.
И снежной заветью тугой
метель к столбу тебя вязала...

Теперь за всё себя корю
и взгляд твой грустный вспоминаю.

И в муках памяти горю,
и без тебя как жить – не знаю.

* * *

– Что тебе пожелать
в новогоднюю ночь?

– Чтобы были у нас
и сыночек, и дочь.

– Что тебе подарить
в новогоднюю ночь?

– Подари мне себя,
без тебя мне невмочь.

– Что тебе обещать
в новогоднюю ночь?

– Коль изменишь ты мне –
сгинешь с глаз моих прочь!

1988

КОСАЧ

Еще снега.
Еще тоскую
о солнце,
о траве зеленой.
А он...
А он уже токует –
в березняке –
косач влюбленный!

ВОРОЖЕЯ

Ах, Нателла!.. Годочков немало
пролегло между нами межой.
Помнишь, ты на судьбу мне гадала:
мол, живу не своей, а чужой.

Мол, наложено было заклятье...
«Дай червончик – сниму, дорогой».
И десятку мою в ворох платья
мигом спрятала ловкой рукой.

«Будешь ты и богатый, и знатный,
Дай еще мне хоть пару рублей...»
И стоял, по натуре не жадный,
Я, как столб, пред ведуньей своей.

Понеслись мои юные годы,
И хоть смейся с досады, хоть плачь –
словно град, повалили невзгоды
и ни в чем не бывало удач.

Ждал я счастья, хоть самую малость,
а изведал лишь горе и боль.

Но потом – всё сбылось, как вещалось,
даже встретил большую любовь.

Может, впрямь ты, цыганка, сумела
чей-то злой наговор отвести?
Я воскликну: «Спасибо, Нателла!»,
если свидимся вновь на пути.

1964

РАССВЕТ

Опять синеглазый рассвет
из сада в окно выплывает,
в душе моей ласковый след
на годы вперед оставляет.

С ним буду я жить и любить,
стихи сочинять о любимой...
И с ним не смогу я забыть
березовый край мой родимый!

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

* * *

Мне снился хлеб,
такой душистый –
глаза б вовек не открывать...
«Вставай, сынок!
Опять фашисты!
Опять летят!» –
металась мать.

Мне было жаль
расстаться с хлебом.
Но пушки грохали в ночи
и, словно ножницами,
небо
кромсали белые лучи.

И в погребушку,
оглушенный,
я лез за мамой, бочком...
И вслед крестам на крыльях черных
грозил
бескровным кулачком.

1974

В СОРОК ПЕРВОМ

То было время грозное:
земля и небо – всё в огне.
и город наш, что под Москвою,
был с фронтовыми наравне.

И там, и тут рвались снаряды,
дома валялись и сады.
Не то что хлебу – были рады
мы горьким щам из лебеды.

Но что они для карапузов,
те щи пустые – лишь вода...
И, подтянув к груди рейтузы,
мы к свалке двинулись тогда.

Был слух такой: туда порою
из кухонь всех госпиталей
С картофельною шелухой
бросали клубни погнилей.

Лишь бурый гипс да бинт кровавый
на свалке этой мы нашли.

И хуже не было отравы
для впечатлительной души.

Домой летели – как поближе,
зажав сырой ладонью рот...
Мне о войне не надо книжек.
Забуть ли сорок первый год?!

ОБЕЛИСК

Гладь речная с берегом щербатым,
столб гранитный с алою звездой...
В сорок первом встали здесь солдаты
на смерть перед самою Москвой.

По весне к подножью обелиска,
лишь внизу заголубеет плес,
вновь приходит старая киргизка
с полной сумкой первых алых роз.

На граните нет имен погибших:
Дон послал, Нарын иль Сыр-Дарья...
Видно, сердце матери всё слышит,
знает, где уснули сыновья.

БЛИНДАЖ. 1951 ГОД

Дороги, дороги, дороги...
И вдруг –
наяву, не мираж –
у Волги, где берег пологий,
мелькнул
обгорелый блиндаж.

Здесь, видно,
была переправа,
и длился отчаянный бой.
Здесь долго не вырастут травы,
садам не одеться листвой.

Пусть так и стоит!
Пусть он будет
как память – какую ценой
вернули советские люди
земле этой мир и покой.

В ХАТЫНИ

Здесь жизнь когда-то солнечно цвела.
а ныне кровь невольню в жилах стынет:
Так скорбно-тихо бьют колокола
над плитами могильными Хатыни.

Читаю я погибших имена
и голову на грудь склоняю низко.
Цветы, цветы, цветы у обелисков...
О, будь ты трижды проклята, война!

1978

* * *

На Рейне – званые обеды,
истаяла
войны минувшей тень...

А мне всё помнится
тот майский день:
вдруг заневестилась в саду сирень,
и над Москвой-рекой –
в салюте небо,
и мама обнялась
с воскресшим дедом...

Вот, наконец, он –
день Победы,
наш долгожданный мирный день!

1987

ГОЛУБИ

П.П. Голосову

Пролетают голуби
в вышине.
Опадают желуди
в тишине.
Помню:
лес, как скошенный,
за крыльцом.
«Мессер» падал коршуном,
бил свинцом...

А сегодня – голуби
в синеве.
Тихо скачут желуди
по траве.
Тянется за горлицей
до небес
вставший за околицей
новый лес...

Набирают голуби
вышину.
Охраняют голуби
тишину.

Владимир КОЛАБУХИН

***ЗЕМЛИ
РОДНОЙ
ДЫХАНЬЕ***

ПИСЬМО...

Письмо, письмо... Тетрадные листочки!
Нет ничего желанней для солдат.
И самые коротенькие строчки
им всякий раз о многом говорят.

Иной прочтет их – сразу улыбнется,
Другой, глядишь, о чем-то загрустит,
а ночью неожиданно проснется
и до утра задумчиво лежит.

Чего в тех письмах только ни таится:
родимый дом с рябиной у крыльца,
глаза любимой, всполохи зарницы
и наставленья доброе отца...

Затосковать по дому может каждый,
хоть в послужном не сосчитать наград.
Вот почему, когда солдату скажешь:
«Письмо тебе!» – он в пляс пуститься рад.

1956

НАША СМЕНА

Он не был там, где спали мы в палатках,
где пробуждали к жизни целину,
где у костра охрипшая трехрядка
тревожила ночную тишину.

Он не был там, где лишь ковыль да ветер,
где запекались губы от жары,
он не был там, где нас ворчаньем встретил
падун-отшельник дикой Ангары.

Он рос еще. Ловил ершей со сходней
и завистью пылал неволью к нам...
А мы ему завидуем сегодня:
стартует к звездам, к солнечным ветрам!

1962

* * *

Майский день тих и ясен на диво
и цветочным дыханием богат.
Но жемчужными слезками ива
грозовой предвещает закат.

Что ж, пусть ливень прольет
с гулом-гудом,
пусть прохладен он будет и спор,
лишь опять засияли бы утром
синь небес и цветковый узор!

ИЮНЬ

Июнь... Июнь...
Пух тополиный
завис бессильно над землей,
сомлевший в горечи полынной
в невиданный доселе зной!

Вдали –
ни облачка, ни грома...
И полыхает горизонт
закатным пламенем багровым,
рождающим
вечерний звон.

ХОРОШО!

Дождик стих,
и над рекой –
многоцветие дугой.
Разгулялись паруса,
звонче птичьи голоса.
У пенька,
в траве примятой,
улыбаются опята...
До чего же хорошо,
если летом дождь прошел!

* * *

Хороши сегодня травы –
выросли до пояса!
Машет рожь мне у дубравы
золотистым колосом.

Пахнет медом, пахнет мятой
и лесной смородиной...
Всё светло здесь, всё здесь свято,
всё здесь – моя Родина!

1959

* * *

Опять хлеба заколосились
и голубеет в поле лен.
Стрижи над Волгой в небе синем
и воздух медом напоен.

Мой добрый край, краса земная,
лесов прохлада в летний зной!
Земля – такая мне родная,
здесь всё и навсегда со мной:

и бирюзовый отблеск Волги,
и копны, вставшие рядком,
и жаворонка голос звонкий,
и танец пчелки над цветком...

НЕ В СТОРОНКЕ

Вновь зарумянилось жаркое лето,
гулом полны зерновые тока.
А на покосе поднялись с рассвета
и зашагали рядами стога.

Валит усталость. Но рад я всем сердцем,
что не в сторонке от страдной поры...
Людам земля на цветном полотенце
щедро свои преподносит дары!

В ПОЛЕ

Ветер по полю развеял
цвет жар-птичьего пера...
Ночь, пропахшая шалфеем,
тает в отблесках костра.

Смолк комбайн у края нивы –
рожь убрал он до зари.
И торопятся по жниву
на пирушку сизари.

ЛОСЕНОК

Ой, лосенок, лосенок!
Вот так чудо лесное
забрело в наш поселок,
разомлевший от зноя.
Ты откуда, мой милый,
к нам пожаловал в гости?
Может, просто шел мимо?
Ну, так милости просим!

Что-то крикнул шутливо
кто-то, видевший это.
И умчалось пугливо
чудо жаркого лета –
прямо к волжской излуке,
к роще, к зелени зыбкой...
Стихли в мареве звуки –
и погасли улыбки.
Словно вместе с лосенком
красота улетела
в край зеленых сосенок
и березонек белых.

БОЛОТЦЕ

Разбрелись по болотцу
долговязые цапли.
Тает в просини неба
отблеск дальней звезды.
Стынут листья осоки,
словно острые сабли,
охраняют подходы
к малахиту воды.

Ах, осока, осока!
Я в твой край первозданный
прежде с удочкой легкой
к светлой зорьке спешил.
Ты прости мне, осока,
что пришел с опозданием:
очумелый будьдозер
всю красу сокрушил...

ЕЖИК

С кочки,
словно с полки,
под ноги –
прыг-скок –
выкатился колкий
и живой клубок.

Ох, клубочек рыжий,
опусти иголки,
я ведь не обижу –
отдохну у елки.

Развернулся ежик,
зашуршал в травинках...
Много встреч хороших
на лесных тропинках.

ТРАВИНКА

Я вышел на большак
с лесной тропинки.

И, глянув вниз,
застыл:
не может быть!

Пробив асфальт,
тянулась ввысь
травинка...

Так надо жить!
Так надо жизнь любить!

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

1.

Роняет клен
желтеющие листья
и проступает
изморось
во мгле...

То осень рыжая
повадкой лисьей
крадется в мир
по дремлющей земле.

2.

Плывет над лугом жухлым
паутина,
курлычет в небе
стая журавлей,
окрасился в багрянец
куст калины
и желтый лист
стекает с тополей.

Туманы утром
клочьями седыми

свисают
над ленивою рекой...
Тропинками замшелыми,
лесными
в простор выходит
осени покой.

3.

Осенний сон
опять сморил сады.
Играют свадьбы
пары молодые.
И листья,
словно слитки золотые,
поблескивают
в лужицах седых.

В УГЛИЧЕ

Ветер в берега
волной отхлюпал.
С косогора древнего
окрест
смотрят в дали
церкви синий купол
и трехпалый
золоченый крест.

Солнце в Волгу
опускает вожжи –
уморилось за день
на ходу.
Женщины,
как встарь,
белье полощут
на мореном,
крохотном плоту.

Тишина...
И вдруг –

не сон мне снится! –
на спокойный,
на речной простор
вылетает сказочную птицей
ярко-белый,
быстрый
«Метеор».

1962

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Прилетел он к нам, скорый на встречу,
тучей белых назойливых мух,
появился внезапно, под вечер,
закружился, как тополя пух.

У березонек выбелил кудри,
пышным кружевом лег на траве
и, багрянец кленовый припудрив,
весь растаял, лишь выплыл рассвет.

ЗИМНЕЕ

Хмуро сдвинул брови
серый небосвод.
По деревне бродит
снежный хоровод.

вдруг порвались тучи,
словно полотно.
Шалый месяц с кручи
заглянул в окно...

* * *

Как надоели холода!
Я так устал от зимней стужи,
что с нетерпеньем жду, когда
весна цветением закружит.

Отступит в Арктику метель,
примчится с юга теплый ветер,
и будет день апрельский светел,
и с крыши зазвенит капель.

И птицы вновь загомонят,
и солнышко разгонит тучи,
в окошко бросив нежный взгляд,
подарит свой веселый лучик...

***ГОЛОС
СКРИПКИ***

СВАДЬБА

Звучали тосты – пир горой! –
и пел баян, не умолкая.
А за калиткою резной
кадриль гремела гулевая.
Кричали: «Горько!» молодым,
невесту сравнивали с зорькой.
«Живите так, чтоб и седым
вам не было, влюбленным, горько!»

И вот, чрез годы, на заре
май вновь цветами салютует:
играют свадьбу во дворе,
да не простую – золотую!
Седая пара, гроздь внучат,
цветы, веселье, поздравленья...
И вот уже вовсю кричат:
«Горчит вино! Ждем подслащенья!»

Ну, как не выполнить обряд!
И старики, в ответ застолью,
целуются семь раз подряд,
как в пылкой юности – с любовью!

ДАВАЙ С ТОБОЙ ПОГОВОРИМ

Давай с тобой поговорим
о чем-нибудь хорошем...
Смотри, как всполохи зари
на фейерверк похожи!

Как пахнет мятой в этот час
и как прекрасен вечер.
Такой забавный внук у нас,
да и другой намечен.

Невзгоды в память не бери –
без них кто в мире прожил?
Давай с тобой поговорим
о чем-нибудь хорошем...

О СЧАСТЬЕ

Кто лишь в богатстве
видит счастья свет,
кто жаждет славу
взять себе в полон –
пусть прежде вспомнит,
что за тыщи лет
нам предрекал
мудрейший Соломон:

«Богатство, слава, –
есть они, иль нет, –
всё это – только
суета сует».

Коль спросит кто:
«О чем тогда мечтать,
к чему стремиться
на земном пути?» –
мудрец ответит:
«Жить! Любить! Рожать!
Другого счастья
людям не найти».

2009

СКРИПКА

В.В. Рымашевскому

Замело все тропки и проселки
и, подняв шубейки воротник,
брел во тьме уснувшего поселка
старый сторож, словно снеговик.

Одинокий, – умерла старуха,
разлетелись из дому сыны, –
ослабел и телом он, и духом,
думал: доживет ли до весны?

А весна – она ведь недалеко...
Оттого и взгляд его тосклив.
Вдруг из чьих-то освещенных окон –
нежной скрипки тонкий перелив.

И шагнул старик под выступ крыши,
замер у резных, у белых рам.
В песне скрипки всё любовью дышит,
болью расставанья до утра.

Голос скрипки всё сильнее, всё звонче.
Сторож опустил свой воротник.
...И бывшее долго этой ночью
вспоминал с улыбкою старик.

* * *

Солнце рыжие ресницы
опускает в рыжий сад.
гуси рыжей вереницей
проплывают в небесах.

За теплом они вдогонку
улетают, чтоб весной
снова звонко, звонко, звонко
край приветствовать родной.

Жизнь моя – она простая,
от судьбы не отрекусь.
Но полет осенней стаи
иногда навеет грусть...

* * *

Он спускался
по лестнице тряской,
по ступеням
шагая с опаской.
Перед сном
прогуляться охота...
А в подъезде
целуется кто-то.

Замер сразу –
и холод по коже:
всю-то молодость
в битвах он прожил.
В разговоре
признался бы, к слову,
что лишь пулями
был исцелован.

И вернулся он
шагом одышным,
чтоб не стать в судьбе парочки
лишним.

В ХРАМЕ

Дымится ладан,
светят лики,
мерцают отблески свечей.
И ловит слух
обрывки тихих,
щемяще-траурных речей.

Сюда идут
дорогой дальней
те,
кто изверился в судьбе –
чтоб испросить
исповедально
грехов прощение
себе.

Отпустят, может быть...
Что ж дале?
Опять грешить
и ждать конца,
чтоб очутиться без печали

в садах
вселенского Творца?

Нет!
Грешный, я не перестану
свой строить рай,
что мне милей.
Ну, а когда я
жить устану –
покой найду
в родной земле.

1977

В ЮРМАЛЕ

Над Юрмалой застыла непогода,
холодный дождь туманил даль и высь.
Куда пойдешь, коль буйствует природа?
Лежи, турист, под крышей – и томись.

И день, и ночь ревело рядом море,
и сосен гул уже навяз в ушах...
«Ну, – думалось, – не отдых здесь, а горе.
И кто нам Сочи выбрать помешал?»

Но как-то утром разогнало тучи,
из складок дюн вдруг выплыл белый шар
и ввысь пополз – всё круче, круче, круче,
расплескивая нестерпимый жар.

И мы рванулись радостно к прибою,
сквозь брызги волн, что обжигали грудь.
И с ними вместе в небо голубое
взлетели враз, чтоб радости вдохнуть.

Забыв про всё, смеялись мы и пели.
И мысль одна буравила висок:
побывать бы здесь хотя б еще неделю –
где солнце, море, сосны и песок!

1984

МОРСКОЙ ТРИПТИХ

I

Еще вдали веселый парус
взлетал над резвою волной,
еще рыбацкий крепкий ярус
тянул в баркас улов двойной,
еще на пляже дух клубники
вита́л над стайкой малышей
и пробегали солнца блики
по теплым щечкам голышей.
Но море пучилось прибоем,
вгрызалось

 в панцирь сонных скал.
И гулкий Норд звучал гобоем,
рождая шторма первый шквал...

II

Есть такая примета в народе:
если на берег чайки садятся –
значит,

 шторм где-то рядышком бродит
и вот-вот может в гавань ворваться.
А пока что притихшие чайки
на воде потемневшей уснули.

Словно в люльке, их волны качают
и баюкают в шуме и гуле.
Но крылатым вещуньям не спится:
в море гул, как обвал, нарастает.
Тяжело поднимаются птицы
и на сушу с тоской улетают.
Скрылось солнце за тучей – и вскоре
обезлюдели пляжи мгновенно.
И недавно спокойное море
разъярилось, окуталось пеной.
Небеса, как из черной жаровни,
с жутким треском огонь расплескали
и ударил о берег неровный
шторм обвальный...
И вздрогнули скалы.

III

Как мамы ласковые руки,
морские волны гладят нас.
Звучат, летят морские звуки,
как голос флейты в тихий час.
И малахитом отливают
лагуны солнечной кольцо,
и к светлой гавани трамваи

везут с гитарами юнцов.
Над пляжем чайки кружат вальсы
и, нас заметив на молу,
летят стремглав – и прямо с пальцев
хватают хлеб и мушмулу...
Чем не идиллия? И всё же
я снова думаю о том,
что всё тут чуть не уничтожил
в слепом безумстве дикий шторм...

ХУДОЖНИК

У мольберта все дни проводил он,
лишь работой своей одержим.
То трудился с неистовым пылом,
то, задумавшись, был недвижим,

То хватался опять за треножник,
снова краски на холст наносил...
И работал, работал художник,
выбиваясь порою из сил.

А когда завершил он картину,
восхищенья не скрыл выставком:
«Да, такая украсит квартиру –
как всё просто, красиво, легко!..»

Он молчал, только дрогнули плечи.
Вдруг привиделся новый пейзаж:
наплывает сиреневый вечер
на притихшее море и пляж...

ВСТРЕЧА

Поэтическая новелла

Ю.А. Ефремову

Однажды мне встретился табор в лесу,
куда за черникой ходил я в росу:
в разрывах тумана, средь дымных костров
сушила поляна полотно шатров.

Заржал у повозки стреноженный конь
и кинулся пес на меня сквозь огонь.
Послышался свист, гулкий выстрел бича –
и пес присмирел, недовольно рыча.

А я окунулся в цветной хоровод...
Какой же цыгане красивый народ!
«Что ищешь, бубновый,
в такую-то рань?»

Искрятся глаза, словно яхонта грань.

С лукавой усмешкой на тонких губах
знай крутят мои сигареты в руках:
«Ай, парень бедовый! Но добрый для всех.
Знай: ждет тебя вскоре желанный успех!»

И снова бичом, – словно бухнул наган, –
ударил седой бородатый цыган.
И вот уже с ним мы один на один.
Он мягкой улыбкой меня наградил:

«Пожалуй к нам в гости!

Будь добр, человек...»

Ну, как отказаться? Обидишь навек.

Проходим к костру и садимся вдвоем,
и сочное мясо степенно жуем.

Дымится густой, обжигающий чай.
Встречаемся взглядами мы невзначай.
Загадка цыганский народ для меня –
не знает забот он в скитаниях дня.

Иные, конечно, оседлы давно,
и вместе мы делаем дело одно.
Но есть и сегодня немало таких,
кто всё что-то ищет в глубинках глухих...

...Тоскует гитара за дальним шатром
и таёт дымок над угасшим костром.
Пора знать и честь.

Встречу длить не резон.
Я встал – и цыгану отвесил поклон.

«Спасибо, хозяин, за хлеб и за соль...»
Но в черных глазах его вспыхнула боль.
«Постой, не спеши, –

он промолвил в ответ, –
хотел бы услышать твой добрый совет.

Ты, вижу, ученый...» – Во взгляде мольба:
«Скажи, почему к нам жестока судьба?
В цыганском гнезде было много птенцов,
но все улетели с дороги отцов!

Ты слышишь, как плачет гитара у нас?
То в девичьем сердце огонь не угас,
Им хочется счастья – и это не грех,
но нет женихов – и кончается смех...»

Ответил смущенно: «Чего ж горевать?
Не вечно же вам по земле кочевать!
Селились бы в городе с легкой душой –
и жили счастливо семьей большой!»

Цыган посмотрел на родные шатры.
«Слова твои пылки,
но так ли мудры?»
И хлопнул в ладоши свои горячо –
и рядом блеснуло смуглянки плечо!

«Порадуйте гостя!.. Гей, гей! Веселей!
Пускай на душе его станет светлей!..»
Забухали бубны, и скрипка поет,
по кругу живому цыганка плывет.

Сгибается стан и сверкают глаза,
и слаженным хором звучат голоса,
И внемлет лесная моя сторона,
как вторит монисту тугая струна.

И вновь мне подумалось:

«Что за народ?

Кочует по свету да песни поет.

А песни какие – за сердце берут!

А пляски такие – с собой уведут!

Да, с этой-то пляской и с песней такой
любой бы цыган был в работе герой.

Ну, что их всё тянет к дырявым шатрам,
к разбитым дорогам,

к чадящим кострам?

Какой у себя вдруг лишились струны,
что бросили землю родимой страны,
в другие края разбрелись без следа?
Как жили, кем были в иные года?

Ну, нет! – гневно бросил седой бородач, –
Забудь, что гитары тут слышался плач!..»
И снова бичом оземь грохнул в сердцах:
«В дорогу, ромалэ! Седлай жеребца!»

Рванулись повозки в белесую даль.
Умчались цыгане, как птицы...
А жаль!..

ЧЕРЕМУХОВЫЙ ЦВЕТ

Земная жизнь сложна и кратка.
И потому теперь, на склоне лет,
так хочется в весенних красках
опять черемухи увидеть цвет!

Ведь с ним душе моей усталой
становится и легче, и светлей, –
как будто бы водицы талой
глотнул. И снова бодр. И жизнь милей!

ВЕСЕННЕЕ

Гаснут солнца каленые спицы,
приумолкли в гнездовьях грачи...
Только мне всё не спится, не спится,
всё сильней мое сердце стучит.

И хотя мне давно, между прочим,
прострочила виски седина,
терпким духом березовых почек
растревожила душу весна!

* * *

Мне семьдесят. Вся жизнь прошла, считай.
Еще бы двадцать, и – хоть в ад, хоть в рай!
Я думаю, и так, и эдак мука:
в аду – огонь, в раю безгрешном – скука.

Да, я грешил, ну что теперь скрывать.
Запретный плод так сладостно срывать.
Когда мы рвем, то утоляем жажду
познания: что плод скрывает каждый?

И вот уже вся жизнь прошла, считай.
Ждет Божий суд. Так в ад идти – иль в рай?
Ах, все равно! Одна повсюду мука:
в аду – огонь, в раю безгрешном – скука.

В огне геенны медленно сгорю...
А в рай приду – нервишки враз порвутся:
О Боже правый, как не обернуться
вослед красоте в праведном раю?

МЕЧТА

Встрепенется память сердца –
и, внимая соловью,
словно вдруг откроет дверцу
в юность пылкую мою.

Были все мы так беспечны.
Где вы, други? Горек след.
Всё тогда казалось вечным...
А ведь вечности-то нет!

И давно уж я не молод,
и ошибкам несть числа.
И крадется тайный холод
в глубь душевного тепла.

Мне твердят: «Ты жил достойно,
хватит вглядываться вдаль.
Знай носи себе спокойно
ветеранскую медаль!»

Но опять восток алеет,
надевает май наряд –

и вдоль парковой аллеи
льет сирень свой аромат.

И, от запахов хмелея,
я гоню с души печаль.
О минувшем не жалея,
вновь стремлюсь по жизни вдаль.

Я хочу, пока есть время,
повидать весь белый свет...
Старость для меня не бремя –
просто стремя зрелых лет!

Я хочу денечек каждый,
словно заново, прожить
и успеть о самом важном
строчки новые сложить.

2010

ГОЛУБАЯ ВЕСНА

Я помню много вёсен голубых...
И вот опять пришла с цветами мая.
Она дороже мне наград любых –
душистая и нежно-голубая.

Опять я с нею молод и влюблен,
как прежде,
 полон жаждой бурной жизни...
И каждый нерв мой снова оголен...
И снова я готов служить отчизне!

* * *

Я открою утром рано
светлое оконце:
спелым яблоком-шафраном
вспыхнет лист на солнце.

Загляжусь – и вспомню снова,
как в саду зеленом
целовались вы со мною –
молодым, влюбленным.

Не пугайтесь. Эта память
вас не потревожит:
в моем сердце стихло пламя.
Уголёчек, может...

1985

* * *

День сегодня тих и ясен,
разлетались комары.
Пышной кроной старый яшень
укрывает от жары.

В гамаке лежу, вздыхая,
и одну лелею мысль:
вспомнит кто добром? Похает?
Так ли прожил свою жизнь?

Всё ж, годочков мне немало,
повидал весь белый свет.
А грешил? Ну, что ж – бывало...
У кого грехов-то нет?

Но когда меня не будет,
когда кончится мой век,
чаю, чтоб сказали люди:
неплохой был человек...

2010

СКАЗОЧНЫЕ МОТИВЫ

О КОРОЛЕ И ХИТРЕЦЕ

(По мотивам английской сказки)

Сказал советник королю:
«Наш честный город плачет.
пришел какой-то человек
и всех подряд дурачит».

«Ну, что ж, – вскричал король, – тогда
пусть и меня обманет!
Не то лишится головы,
а ты – высоких званий».

И вот ловкач пред королем,
и слышит голос властный:
«Ты всех дурачишь, говорят?
Ну, начинай, несчастный!»

«Прошу прощения, король,
не взялся мне за дело –
я инструмент свой заложил», –
ловкач ответил смело.

«Какой залог? Я уплачу», –
король надменно бросил.

И тотчас двести золотых
себе хитрюга просит.

А получив их, он ушел,
чуть не давясь от смеха:
«Вот это да! Ну и король!
С таким одна потеха!»

Вот час прошел. Еще один.
Советник улыбнулся:
«Позвольте слово, мой король,
ловкач-то не вернулся.

Напрасно ждете вы его,
второй не будет встречи.
Ведь инструменты хитреца –
лишь острый ум да речи».

СОЛОВЕЙ И ВОРОНА

(По мотивам дагестанской сказки)

Лишь ночь ушла
и стал Восток светлей,
вспорхнул на ветку розы
Соловей.

И засвистал
светло и упоенно...
Но тут проснулась
старая Ворона.

И Соловью
прокаркала с натугой:
«Ну, что за голос
у тебя, пичуга!

Как будто писк
зануды-комара...
Вот голос мой –
силен уже с утра!»

Взяла обида
кроху-Соловья:

«Никто здесь лучше
не поет, чем я!..»

Ворона вновь
гремит, подобно грому:
«На спор!
Кто прав –
глаз выключет
другому!..»

Уговорились,
выбрали судью –
в грязнущей луже
жирную Свинью.

И та, послушав,
вмиг дала ответ:
«Поет Ворона лучше,
спору нет!

Ведь как басит,
как с хрипами выводит!
Почти, как друг мой,
боров в огороде...»

Лишился глаза
бедный Соловей,

Загоревал безмолвно
среди ветвей.

«Что приуныл? –
к нему Ворона снова, –
с тобою поступила я
сурово.

Но уговор уж
был у нас таков...».
Промолвил Соловей:
«Не надо слов,

Мне тяжело
совсем не потому,
что верх взяла...
Доверился – кому?

Жаль, поздно понял,
кто у нас судьей –
Свинья всегда
останется свиньей!»

НЕСЧАСТНЫЙ МАКГИННЕС

(По мотивам ирландской сказки)

Несчастный Макгиннес
решил покинуть свет,
лежит в поту,
дышать уже не может.
А тут жена:
«Мой милый, дай ответ,
кто твой должник,
и сам – кому ты должен?»

Ведь вижу я,
что ты почти угас,
а всё молчишь,
семье своей на горе.
Неужто хочешь
в бедность бросить нас?
Иль перед миром
вздумал опозорить?»

Несчастный Макгиннес
с трудом открыл глаза
и весь скривился,
боль преодолевая.

Вздохнул чуть-чуть
и, кашляя, сказал:
«Тим должен сорок фунтов.
дорогая».

«Ах, очень хорошо! –
в ответ смешок, –
а кто еще?
Ну, с кем нам посчитаться?»
«За Майклом – фунтов тридцать –
есть должок,
а Том, как помню,
должен мне пятнадцать...»

«Прекрасно, Макгиннес!
Мне все вернут сполна.
Ты продолжай!..»
«Взял двести у соседей...»
Всплеснув руками,
вскрикнула жена:
«О боже, боже!
Муж мой начал бредить!»

СОВЕТЫ ВОРОБЬЯ

(По мотивам чешской сказки)

В.К. Евдокимову

Жил-был на свете птицелов.
И каждый день с утра,
лишь встанет солнце над селом,
шагал он со двора.

В лесу, раскинув шире сеть,
ложился под кустом,
и всё мечтал разбогатеть,
построить новый дом.

Вот и на этот раз весь день
провел в лесу чужак.
Но нынче даже птичья тень
не шла в ту сеть никак.

Сгустился вечер – и один
залетный воробей
в ловушку эту угодил,
не ведая о ней.

Рванулся к сети птицелов.
Добыча хоть мала,
Но и ее он взять готов
для своего котла.

И вдруг он слышит птичью речь:
«Ну, что я для тебя?
Ни в суп и ни пирог испечь...
Пусти же, не губя.

Взамен я три совета дам.
Им следуя всерьез,
счастливым будешь ты всегда
в своем краю берез».

Затылок крепко почесав,
ответил птицелов:
«Ну, что ж, поверю в чудеса...
Я жду заветных слов!»

«Вот первый мой совет тебе, –
щебечет воробей, –
Ты об упущенном в судьбе
забудь и не жалей.

Теперь совет даю второй:
с пустой мечтой простись.
К недостижимому тобой
напрасно не стремись.

И третий, не забудь о нем!
Чего не может быть –
в то и не верь, чтобы потом
напрасно не тужить».

Сеть поднялась. И поспешил
советчик вольным стать.
На ветку сел... И вдруг решил
ловца поиспытать.

«Ах ты, дурак! На мой наказ
богатство променял:
с гусиное яйцо алмаз
в желудке у меня!»

Услышал это птицелов –
и ну себя казнить!
Уже он воробья готов
с той ветки сетью сбить.

Тут вновь с укором воробей:
«А ты и впрямь – дурак,
коль об упущенном в судьбе
горюешь сильно так.

И хоть тужи ты, не тужи,
но всё ж на этот раз
я для тебя недостижим...
Забудь и про алмаз.

Да разве может он, такой,
в меня вместиться весь?
Прощай! Лечу к себе домой,
дела другие есть...»